

тивном значении Р. п., может быть объяснена только влиянием белорусского языка на русский.

Анализ употребления флексий *-а* и *-у* в речевой практике белорусов-билингвов и русских, проживающих на территории Белоруссии, подтвердил ранее сделанные выводы о нормативности флексии *-а* для выражения партитивного значения Р. п. и для фразеологических и онареченных словосочетаний. Аналогическое выравнивание формального плана Р. п. в связи с малой противопоставленностью грамматических значений продолжает развиваться в более быстром темпе, чем в 50—60-х годах. Вопреки распространённому мнению, в разговорной речи формы на *-у* в Р. п. подвергаются более быстрой нейтрализации и дальнейшему исчезновению, чем в письменной разновидности литературного языка. В разговорной речи процесс конвергенции флексий *-а* и *-у* $-а \times -у \rightarrow -а$ почти закончился, в то время как в письменной он сдерживается традиционностью норм употребления.

Сопоставительный анализ функционирования флексии *-у* в речевой практике белорусов-билингвов и русских, проживающих в Белоруссии, позволил выявить некоторую консервативность белорусов в употреблении форм на *-у* по сравнению с русскими. У русских процесс вытеснения флексии *-у* происходит быстрее, чем у белорусов. Эту консервативность белорусов можно объяснить только влиянием белорусского языка на русский литературный в условиях белорусско-русского двуязычия.

¹ См.: Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка.— М., 1968, с. 186, 191. Вряд ли являются полноправными примеры, взятые из диалогов драматических произведений для иллюстрации процесса, происходящего в разговорной речи, так как они, как правило, являются конденсацией разговорных форм, которая в реальной речи представлена менее частотно.

² В сборе материала принимали участие студенты-филологи Белгосуниверситета имени В. И. Ленина.

³ См.: Граудина Л. К. и др. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов.— М., 1976, с. 121.

⁴ Данные взяты из монографии «Русский язык по данным массового обследования».— М., 1974, с. 169.

⁵ См.: Граудина Л. К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты.— М., 1980, с. 121.

⁶ Здесь и далее первая цифра обозначает результаты, полученные от белорусских информантов, вторая — от русских информантов.

⁷ См.: Русский язык и советское общество, с. 186.

Н. Б. МЕЧКОВСКАЯ

МЕТАЯЗЫК РАННИХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ГРАММАТИК

Для характеристики метаязыка восточнославянских грамматик XVI—XVII веков существенны три взаимосвязанных аспекта: 1) материально-языковая основа метаязыка и источники грамматической терминологии как ядра метаязыка; 2) функции терминов в начальных грамматических описаниях; 3) средства представления лингвистического содержания в ранних грамматиках. В настоящей статье рассмотрены первые два аспекта.

Появление первопечатных восточнославянских грамматик (Адельфотис. Грамматика доброглаголиваго еллинославенскаго языка.— Львов, 1591; Лаврентий Зизаний. Грамматика словенска.— Вильна, 1596; Мелетий Смотрицкий. Грамматики славенския правильное синтагма.— Евьё, 1619, 2-е изд. Москва, 1648, 3-е изд. Москва, 1721) относится к тому времени, когда создаются первые грамматики новых (народных) языков Европы. Однако в отличие от грамматик новых европейских языков, в ранних восточнославянских грамматиках описывался не народный язык, а церковнославянский — надэтнический литературный язык в ареале *Slavia Orthodoxa*. Исключение составляет адресованная западному читателю рукописная «Грамматыка словенская» Иоанна Ужевича

на латинском языке (парижский и аррасский списки соответственно 1643 и 1645 годов), содержащая описание литературного языка Западной и Юго-Западной Руси. Описываемый в грамматике язык (*lingua sclavonica*) противопоставляется автором церковнославянскому языку (*lingua sacra sclavonica*) и нелитературному (диалектному) языку (*lingua popularis*)¹.

Культурно-филологическая роль ранних восточнославянских грамматик двойственна: с одной стороны, их назначение аналогично функциям грамматик латинского языка в Западной и Центральной Европе (надэтнического языка культуры, образования, церкви); однако, с другой стороны, в силу значительной близости церковнославянского языка к народным славянским языкам (в отличие от взаимоотношений латыни и народных языков в соответствующих ареалах Европы), в силу того, что литература на церковнославянском языке была органическим компонентом культуры отдельных славянских народов, церковнославянские грамматики значительное время воспринимались как грамматики «своего» книжно-письменного языка и, таким образом, выполняли функции грамматик родного языка.

Аналогичная двойственность характерна для метаязыка ранних восточнославянских грамматик. В соответствии с многовековыми традициями книжно-письменной культуры восточного славянства грамматики были написаны на церковнославянском языке. Надэтнический характер метаязыка сближает их с большинством ранних западно- и южнославянских грамматик, а также грамматик неславянских языков XVI века, написанных на латыни. В частности, на латыни написана польская грамматика Петра Статориуса-Стоенского (1568), чешские грамматики Матвея Бенешовского (1574) и Вавржинца Нудожерского (1603), словенская грамматика Адама Бохорича (1584), хорватская грамматика Бартоломея Кашича (1604). Попытки использования народного языка в качестве метаязыка и постепенное формирование «своей» терминологии в XVI веке отмечено только в чешской протестантской грамматической литературе (трактат Оптата, Гзеля, Филомата 1533 года, рукописная грамматика Яна Благослава 1571 года). Таким образом, ранние восточнославянские грамматики, как и грамматики в ареале *Slavia Latina*, в качестве метаязыка использовали «свой» классический язык.

Однако в этом параллелизме есть моменты, дифференцирующие традиции. Во-первых, грамматики ареала *Slavia Latina* опирались на уже сложившуюся в европейской науке латинскую грамматическую терминологию и традиции метаязыкового применения латыни, в то время как перед ранними восточнославянскими грамматиками еще стояла задача выработать метаязык. Факты истории ранней славянской грамматической литературы свидетельствуют, что формирование метаязыка на материале «своего» языка представляло значительные трудности и именно поэтому латынь, благодаря сформированности латинской грамматической терминологии и, шире, в силу традиции метаязыкового использования латыни, была принята в качестве метаязыка ранних грамматик. Несомненно, что в духе протестантской идеологии было бы создание грамматики родного языка на родном языке, однако сделать этот шаг (в частности, для словенских протестантов) оказалось труднее, чем перевести на родной язык Писание. В силу высокой абстрактности грамматических категорий и связанной с этим конвенциональности грамматических терминов, сложение национальной терминологической традиции носит обычно постепенный характер (нужна привычка к условности обозначений) и нуждается в тех или иных иноязычных прототипах. Так, создававшаяся в течение 20 лет грамматика Благослава опиралась на значительную традицию метаязыкового использования чешского языка, а в известной мере — на языковые достижения всей чешской литературы, как известно, старейшей славянской литературы на народном языке. При этом характерно, однако, что в грамматике Благослава преобладали латинские термины². Показательно также, что в XVII веке в переводах граммати-

ки Бохорича на немецкий язык (доступный более широким слоям населения Словении, чем латынь) сохранялась латинская терминология³. Таким образом, в силу несформированности терминологии на народных языках, латынь оставалась существенным компонентом метаязыка всех славянских (и не только славянских) грамматик XVI—XVII веков.

Ранние восточнославянские грамматики опирались на продолжительную традицию церковнославянской филологической литературы — начиная от «Сказания о писменех» (конец IX — начало X века), грамматической статьи «Осьмь чести слова» (XIV век), многочисленных и разнообразных словарей до рукописного русского «Доната» Дмитрия Герасимова (1522), рассуждений на грамматические темы Максима Грека, фонетико-орфографических трактатов, азбуковников, первых печатных букварей. Наличие значительной филологической литературы в ареале *Slavia Orthodoxa*, предшествовавшей первопечатным грамматикам, создало предпосылки для появления грамматик на «своем» языке — в данном случае — на церковнославянском. Формирование традиций метаязыкового применения церковнославянского языка, создание на его основе исходной языковедческой терминологии явилось крупным достижением ранних восточнославянских грамматик. В силу генетической близости церковнославянского и народных славянских языков, метаязык на церковнославянской основе в дальнейшем оказал значительное влияние на терминологию новых литературных славянских языков (в наибольшей мере — на русскую, затем болгарскую; в меньшей мере — на украинскую и белорусскую; в частности, ядро русской морфологической терминологии — около 120 терминов — составляют термины Смотрицкого; в болгарском метаязыке таких обозначений 90, в белорусском — 18). Метаязык на церковнославянской основе, в силу близости церковнославянского и восточнославянских языков (ср. дистанцию между латынью и народными языками в ареале *Slavia Latina*) способствовал органическому вхождению грамматического знания в книжно-письменную культуру восточного славянства, обеспечивал понятийно-терминологическую преемственность в ее последующей истории.

Лексическая структура метаязыка определяется оппозицией терминологической и нетерминологической лексики. Терминология составляет лексическое ядро метаязыка, его наиболее важную в содержательном и функциональном отношении часть. Нетерминологическая периферия метаязыка включает общенаучную лексику, в том числе лексику связочного и полусвязочного характера, аналогичную той, которую применительно к художественному тексту Л. В. Щерба называл «упаковочным материалом». Для лексической истории метаязыка, как и для истории словаря всякой науки, характерны процессы роста и специализации терминологии и стандартизации общенаучной лексики в сочетании с отказом от слов обиходно-разговорного употребления и неспециальных слов конкретной семантики.

Вопрос о познавательной значимости терминов в ранних грамматиках предполагает предварительное определение особенностей терминологии, специфических для этапа ее становления и начального функционирования. С точки зрения происхождения в терминологии рассматриваемой традиции выделяются несколько групп терминов: 1) кальки, в кругу которых целесообразно различать, во-первых, словообразовательные кальки (т. е. специально образованные новые обозначения — *наречие, именительный падеж, залог, наклонение, междометие, предлог, склонение, спряжение* и др.); во-вторых, семантические кальки (т. е. обозначения, имевшиеся в общем словаре и заимствованные в терминологию в приписанном им новом значении, однако сохраняющие определенные связи с исходной нетерминологической семантикой, — *имя, глагол, число, лице, время, прошедшее, будущее, единственное* и др.); 2) лексические заимствования (*грамматика, орфография, синтаксис, этимология, просодия, гетероклита, парадигма, герундий, эллинизм* и нек. др., в том числе обозначения стихотворных размеров); 3) термины, образованные без непо-

средственного влияния греко-латинских образцов (*деепричастие, прича-
стодетие, сказательный падеж, уничижительный, умалительный, целое и
усеченое прилагательное* и др.).

Терминология ранних грамматик характеризуется существенно мень-
шей удаленностью от общей (неспециальной) лексики, чем это имеет
место в современном метаязыке. Процесс семантической специализации
слов, используемых в качестве терминов, только начинался, и первые
термины отличались именно своей недостаточной терминологичностью.
Их новая специальная семантика еще недостаточно обособилась от об-
щеупотребительных значений, поэтому на первых порах термины сохра-
няли в грамматической литературе свои синонимические и словообразо-
вательные связи, а также многозначность. Этим была обусловлена ши-
рокая вариативность ранней языковедческой терминологии — синонимия
и полисемия. Так, понятие «слово, *verbum*» в ряде памятников XVI—
XVII веков выражалось лексемами *речь, глагол, речение, слово, посло-
вица, глас, назвиско*; понятие «часть речи» — сочетаниями *части слова,
части вещания*; понятие «глагол» — лексемами *речь, слово, глагол*; по-
нятие «наклонение» — лексемами *изложение, залог, чин, образ, наклоне-
ние*; «спряжение» — *спружество, согласие, спряжение*; «залог» — *залог,
род словнищ, род глаголов* и т. д. С другой стороны, многие лексемы упо-
треблялись в нескольких специальных значениях. Так, лексема *слово*
имела такие значения: 1) 'язык, речь', 2) 'слово, *verbum*', 3) 'буква',
4) 'глагол'; лексема *глагол* могла означать: 1) 'часть речи глагол',
2) 'язык, речь', 3) 'отдельное слово', 4) 'сочетание слов'; лексема *образ*
имела такие значения: 1) 'грамматическое лицо (глаголов и местоиме-
ний)', 2) 'наклонение', 3) 'характер строения слова' (ср. *первооб-
разный*).

Живые связи терминологии с общим словарем сказывались также
в том, что сочетаемость многих лексем была шире, чем в современном
метаязыке. Ср. некоторые из таких сочетаний в грамматике Смотрицкого:
*препинание словесъ; о препинанияхъ строчныхъ; препинания строчна
суть десять; сослагательное знаменованіе союза; сочинителне предлагае-
мии предлоги; существителный глаголъ; звательный глаголъ; прилагат-
тельный глаголъ* и др. Более свободная сочетаемость, отчетливо осозна-
ваемые словообразовательные связи, нередко подчеркиваемые в опреде-
лениях (ср.: *прилагательное... ему же приложено быти можетъ...; между-
метие... между прочая слова части вметаемая* и т. п.— грамматика
Смотрицкого, лл. 21, 193 об.), делали термины менее условными, более
мотивированными обозначениями (в сравнении с лингвистическими тер-
минами в современных славянских языках, материально совпадающими
с церковнославянскими обозначениями).

Указанные ономаσιологические особенности первых терминов обу-
словливали их более высокую познавательную ценность в ранних грам-
матиках по сравнению с функциями тех же терминов в современном
метаязыке. Термины первых грамматик были не только обозначениями
соответствующих денотатов, но и средством их первичной характери-
стики. Их обычное, еще не специальное значение, живые связи с общим
словарем были той содержательной основой, на которой происходило осмы-
сление соответствующих лингвистических объектов. Например, когда в
«Донате» различие между действительным и страдательным залогами
объясняется только путем противопоставления слов *деяти* и *страдати*,
делный и *страдалный* (ср. в определении глагола: «часть вещания съ
временем и лицом, без падения, или деяти нечто или страдати, и еже
есть терпети, или обоя знаменуя»), то вся интерпретация или характери-
стика залогов в сущности сводится к тому содержанию, которое заключе-
но в семантике терминов, а эта семантика еще самым непосредственным
образом связана с обычными, неспециальными значениями соответст-
вующих слов. Подобным образом вся метаязыковая информация о гла-
гольных временах в «Адельфотисе» или о наклонениях в статье «Осьмъ
честни слова» содержалась в соответствующих терминах: *настоящее, ми-*

мошедшее, протяженное, пресъвершенное, будущее («Адельфотис»), *повеленно, молитвенно, выпросно, звателно, повестно* («Осьмь чести слова»). Во всех тех многочисленных случаях, когда термины вводились в грамматику без определения или какого-либо толкования, они выступали в аналогичной функции: термины не только обозначали некоторые лингвистические объекты, но и были их первичными однословными характеристиками или остенсивными определениями. В статье «Осьмь чести слова», в «Донате», «Адельфотисе» термины, введенные без определения, преобладали. В грамматике Смотрицкого, которая в сравнении с другими памятниками насыщена определениями в наибольшей мере, без определения даны обозначения семантических разрядов наречий (*наречия времени, места, количества... случая, увещания, отрицания, прещания, напряжения, ослабления* и т. д.), союзов (*сопрягателнаго знаменованя, разделителнаго, противителнаго, сослагателнаго, винословнаго, подчинителнаго, наносителнаго, исполнителнаго, недоумителнаго*), междометий (*чудящагося знаменованя, удивляющагося, похваляющаго* и т. д.). Эти описательные термины были одновременно и обозначениями разрядов и их характеристиками.

Характеризующая функция первых грамматических терминов ярко проявлялась также в том, что имевшиеся определения строились с учетом внутренней формы термина и нередко сводились к его толкованию или тавтологической перифразе. Впоследствии те церковнославянские термины ранних грамматик, которые сохранились в национальных терминологиях, постепенно все больше отдалялись от общего словаря. Этот процесс, характерный для истории самых разных терминологий, обусловлен усиливающейся семантической специализацией терминов, нарушением словообразовательных связей терминов с общей лексикой, постепенной фразеологизацией терминов-словосочетаний. Указанные процессы ведут к уменьшению мотивированности терминов и превращению их в более или менее условные обозначения понятий.

Таким образом, с ономаσιологическим своеобразием терминологии рассматриваемой традиции связаны некоторые особые эвристические возможности первых терминов в грамматиках XVI—XVII веков. Помимо обычных функций терминов (обозначать, идентифицировать и различать специальные понятия определенной отрасли знаний или деятельности; репрезентировать систему соответствующих понятий), первые термины обладали значительной характеризующей функцией. Будучи более непосредственно связанными с семантикой обычной (неспециальной) лексики, они выступали в качестве семантической основы для начального осмысления и характеристики лингвистических объектов.

¹ См.: Граматика слов'янська І. Ужєвича. Підготували до друку І. К. Білодід, Э. М. Кудрицький.— Київ, 1970.

² Vintř J. Terminologický systém Gramatiky české Jana Blahoslava. Listy filologické, 95, 1972, 3.

³ Orožen M. Začetki slovenske jezikovne misli. Jezik in slovstvo, l. XVI, 1970/71, št. 7.

Я. Л. ТРЕМБОВОЛЬСКИЙ
ИЗ ИСТОРИИ РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ НА РУСИ
ДРЕВНЕБОЛГАРСКОГО ПАМЯТНИКА
«О ПИСМЕНЕХЪ ЧРЪНОРИЗЦА ХРАБРА»

Если говорить о наиболее ранних свидетельствах бытования на Руси списков древнеболгарского памятника «О писменехъ чръноризца Храбра», то, кроме переработки его Епифанием Премудрым в «Житии Стефана Пермского» (конец XIV — начало XV веков) и русского списка XV века — Чудовского, необходимо ввести в научный обиход и учитывать в дальнейшем найденный нами список «О писменехъ» в сборнике середины XV века в собрании Рогожского старообрядческого кладби-